

От полемики к травле: риторика спора вокруг формалистов в 1920-е годы

Ян Левченко

Профессор, Школа культурологии, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: janlevchenko@hse.ru.

Ключевые слова: русский формализм; литературная критика и полемика; риторика спора и конкуренции в литературе; классовая борьба; большевистская революция.

В статье прослеживаются пути формирования агрессивной риторики в советской литературной критике 1920-х годов на примере дискуссий вокруг ленинградской ветви формальной школы. Эти процессы свидетельствуют о том, что опыт войны и революции легитимирует любые формы оскорбления и уничтожения оппонента, превращает травлю в мейнстрим и кладет предел дискуссии об идеях, переключая ее в область межгрупповой конкуренции и борьбы за власть, как символическую, так и материальную. В свою очередь, литературная критика также переходит на личности, апеллируя к ритуальным формулам, но используя методы нового гегемона. В отношении так называемых формалистов эти дискурсивные маневры проявляются с особой яркостью, поскольку направлены в адрес идеологического врага, приговоренного к уничтожению.

Контрастный дуализм в противопоставлении своего и чужого, по сей день характерный для русского языкового поведения, проявляется здесь в принципиальной неготовности

к компромиссу со стороны торжествующего класса. Великодушие оказалось не под силу большевикам после победы революции. Их тактика состояла в культивации ненависти, столкновении различных групп между собой под лозунгом классовой борьбы с целью дальнейшей зачистки и/или абсорбции любых явлений, расходящихся с генеральной линией. Первичной мотивировкой закручивания гаек была обстановка гражданской войны. Затем она сменилась требованием особой бдительности в период вынужденного реванша буржуазии. Концептуализация НЭПа носила не только хозяйственно-экономический, но и неизбежно культурный характер, и пролетариат был просто обязан чувствовать угрозу со стороны уцелевших угнетателей, чье сознание оставалось тем же, что и до революции. Наконец, объявленный долгожданым отказ от временных культурно-экономических мер легитимирует новый виток агрессивной риторики, что усиливает внутренний кризис «попутчиков» советской культуры и позволяет покончить с ними на рубеже 1920–1930-х годов.

В НАСТОЯЩЕЙ статье приведен ряд примеров, иллюстрирующих формирование весьма специфического дискурса об искусстве и литературе, основанного на силовой риторике, принимающего сознательно агрессивные формы и легитимирующего насилие. Речь идет о советской литературной критике, сумевшей целенаправленно свести разбор к разному, а суждение — к осуждению. Когда в 1918 году Владимир Маяковский выпустил «Приказ по армии искусства»¹, проложив водораздел между теми, кто служит, и теми, кто уклоняется, еще не истек первый год революции и Первая мировая война только превращалась в Гражданскую. Оснований для буквальной мобилизации представителей любых профессий, в том числе и гуманитарных, было достаточно. Однако милитаризация труда, в частности создание трудармий в период военного коммунизма, не означала милитаризации критического дискурса. В отделах Наркомпроса заседали получившие до поры пощаду «спецы» из бывших, тогда как поколение их будущих профессиональных хулителей еще не созрело, проходя при помощи тех же «спецов» первичную подготовку в пролетарских организациях. Понадобились экономические и культурные достижения эпохи НЭПа, чтобы рвущиеся в бой и не распознавшие сталинского термидора интеллектуалы из среды победившего класса усвоили эффективную тактику своих политических вождей: идеалы революции следует защищать в режиме превентивного нападения.

С середины 1920-х годов актуальность репрессивной риторики в области культуры растет пропорционально ее распространению в эшелонах власти. Революция провозгласила культуру пропагандистским оружием государства, и ее утилитарные функции были акцентированы еще сильнее, нежели в царской России. Отношения в культурном поле превращаются в прямое, практически лишённое медиативных фильтров отражение борьбы, знаменующей переход от политики дискуссий к политике приказов. К XIV съезду

1. Маяковский В. В. Приказ по армии искусства // Искусство коммуны. 07.12.1918. № 1. С. 1.

ВКП(б), знаменитому громким разгромом «ленинградской оппозиции», хамство в верхах утвердилось в качестве коммуникативной нормы. Ленинское «говно» в адрес буржуазной интеллигенции, которая поддерживает войну на германском фронте (из письма Максиму Горькому 15 сентября 1919 года²), — не случайное ругательство, отпущенное в пылу полемики, а матрица определенной языковой политики, настроенной на ликвидацию враждебной группы. Зачистка культуры, бюрократически реализованная в 1932 году посредством ликвидации творческих объединений, начиналась в том числе с дискуссий о формализме. Одна из таких нашумевших полемик проходила в 1924 году на страницах журнала «Печать и революция» и была спровоцирована статьей Льва Троцкого «Формальная школа поэзии и марксизм» (1923), в которой ведущее и, следовательно, опасное интеллектуальное движение объявлялось «заносчивым недоноском»³. Троцкий не ограничивается критикой формализма в искусстве, осуждая формализм и в праве, и в хозяйствовании, то есть обличая порок формалистической узости в областях, далеких от изучения литературных приемов.

Именно статья Троцкого послужила прецедентом расширительного и экспрессивного толкования формализма, сознательного выхода за пределы его терминологического значения. Официальная советская критика демагогически клеймила этим словом все, что расходилось с доктриной социалистического реализма. Как писал Горький в своей широко известной программной статье 1936 года, спровоцировавшей целый цикл разгромных текстов о разных областях искусства, «формализмом пользуются из страха перед простым, ясным, а иногда и грубым словом»⁴. То есть, с одной стороны, есть грубоватые, но искренние сторонники победившего класса, строящие социализм и приватизирующие Пушкина и Флобера за то, что ясно и по делу пишут, а с другой — всякие, по выражению того же Горького, «Хэмингуэи», которые хотят говорить с людьми, да по-людски не умеют. Любопытно, что ситуация не меняется даже на девятнадцатом году победившей революции. Миновало два десятилетия, практически сменились поколения, но буржуазная интеллигенция никуда не делась, искоренить ее не удалось никакими слияниями союзов и запрети-

2. Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому, 15/IX // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1978. Т. 51. С. 48.

3. Троцкий Л. Д. Формальная школа поэзии и марксизм // Троцкий Л. Д. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. С. 130.

4. Горький М. О формализме // Правда. 09.04.1936. № 99. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-86.htm>.

тельными мерами. Она, как считали инициаторы «большого террора», хорошо замаскировалась и продолжает отравлять формалистским ядом жизнь пролетариата. Как именно — даже неважно, так как любой формализм, вплоть до формальной логики, плох по определению. Логично, что никакая дискуссия уже не ведется, ибо вопрос «как» — вопрос, безусловно, формалистский, и отвечать на него не надо. Правильный вопрос — это даже не «что», а «кто»: кто кого заказывает, кто кого закрывает и т. д.

В рамках данной статьи я бы хотел заострить внимание на том, что уже с начала 1920-х годов в вопросе о формализме начала утверждаться агрессивно-наступательная риторика, впоследствии вытеснившая по праву сильного любые доводы, основанные на научной рациональности и соответствующие конвенциональной манере ведения дискуссии. В последнее десятилетие в исследованиях советского прошлого уже почти не встречается наивная трактовка 1920-х годов как эпохи утопического идеализма и плюралистических экспериментов, резко сменившейся большим концлагерем 1930-х годов с его окриками и побоями за фасадом добровольно-принудительного счастья. Именно 1920-е годы помогли утвердиться новому культурному дискурсу, основанному на оскорблении оппонента и угрозах в его адрес. Объяснялось это тем, что впервые в истории лидерство надолго узурпировал социальный класс, для которого любые признаки политеса маркировали классового врага. В свою очередь, для самих этих врагов, то есть «бывших», «лишенцев», временно нанятых новыми хозяевами «спецов», воспитанность и образованность также служили критерием разделения «своих» и «чужих». Собственно, так сформировался охранительный комплекс, переосмысленный интеллигенцией в терминах миссии. Эти социолингвистические маркеры провели более заметную черту между до- и пореволюционной эпохой, чем самые эффективные идеи. Говоря еще более определенно и, быть может, несколько тенденциозно, социальная адаптация хамства и фактическое узаконивание ругани в качестве замены дискуссии стали характерной приметой первого пореволюционного десятилетия, но продолжая давать всходы и в современном общественном дискурсе.

Представляется, что язык культурной полемики 1920-х годов послужил своеобразной лабораторией, из которой вышел устойчивый стандарт русского языкового поведения, очень ярко выраженного в наши дни, например, в телевизионных сериалах, где персонажи либо воркуют о чем-то с применением уменьшительных суффиксов, либо готовы рвать друг друга на куски. Нейтральные модели общения — редкость, переход от жеманных нежно-

стей к истерике и угрозам — норма, характеризующая как массовую ТВ-продукцию, так и социальные отношения. Автономность дискурсивных регистров связана с контрастным дуализмом своего и чужого, который коренится еще в историческом дуализме допетровской культуры и вестернизированного имперского периода⁵. Революционная переделка общества обострила дуалистический эффект, но не ослаб он и позднее, по мере стабилизации экономической и культурной жизни. Он оказался чрезвычайно удобной спекулятивной формой, легитимировавшей самые жесткие сценарии власти и неизменно объяснявшейся «обострением классовой борьбы». Можно даже с известным риском предположить, что это был своеобразный «конец истории» по-советски: если классовая борьба не ослабевает и враги всегда могут быть рекрутированы из рядов вчерашних сторонников, то двигаться больше некуда, общество замирает в вечно воспроизводящемся «сегодня», то есть опустошается и деградирует. Обсуждение любого спорного вопроса на собрании трудового коллектива почти неизбежно переходило в «охоту на ведьм», будь то зловещие судилища 1930–1950-х годов или уже разложившиеся ритуальные проработки эпохи застоя. Независимо от степени своей физической опасности они основывались на уни(что)жении оппонента. Советский человек приспособивался и вырабатывал иммунитет, пестовал в себе безразличие, которое и в наши дни находится в тесной зависимости от уровня агрессии в социальных группах.

Участники формальной школы выступают здесь примером, на котором хорошо прослеживается трансформация характера спора с оппонентом, неугодным, врагом, — как агрессия превращается в нормативный модус ведения дискуссии. Своеобразие этого примера заключается в том, что, будучи с необходимостью воспитанниками дореволюционной культуры, формалисты сознательно выступали против нее и на первоначальном этапе пореволюционного культурного строительства были солидарны с новой властью, внешне слившись с другими деятелями авангарда, которые также прельстились реализацией утопии. Осознанно небрежный, запальчивый язык их научных и критических выступлений должен был сблизить их с агентами новой культуры.

Но этих последних было не так-то легко провести. Они хорошо чувствовали буржуазное происхождение футуризма, к которому

5. См.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Успенский Б. А. Избр. труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 219–253.

примыкал ранний ОПОЯЗ (Общество изучения поэтического языка) с его налетом скандальности. В 1927 году главный редактор журнала «Печать и революция» Вячеслав Полонский писал, разоблачая «Новый ЛЕФ» как буржуазный проект в статье «Леф или блеф»:

Возникнув на почве разложения буржуазного искусства, футуризм всеми своими корнями пребывал в буржуазном искусстве⁶.

Ему нельзя отказать в понимании тесной связи футуризма с объектами его нападок. Без «фармацевтов», как пренебрежительно называли в поэтическом кабаре «Бродячая собака» посетителей, заплативших за полный входной билет, у футуризма не было бы шансов. В феврале 1914 года, едва появившись в «Бродячей собаке», Виктор Шкловский уже участвовал на стороне футуристов в диспуте в зале Тенишевского училища, который описал так:

Аудитория решила нас бить. Маяковский прошел сквозь толпу, как раскаленный утюг сквозь снег. Я шел, упираясь прямо в голы руками налево и направо, был сильным — прошел⁷.

Ранний формализм начинал на одном этаже с мастерами расчетливого эпатажа, и по крайней мере для Шкловского и его «маркетинговой репутации» эта генеалогия оставалась значимой. Она была той частью биографии, о которой Эйхенбаум писал: «Шкловский превратился в героя романа, причем романа проблемного»⁸. При этом очевидно, что мелкобуржуазная и любая другая простецкая публика была способна броситься в драку как до, так и после любых революций. Разница состояла в том, что в огрубевшие времена драка превратилась в потенциальный горизонт любой дискуссии. Даже плохо представляя себе друг друга, оппоненты всегда были готовы дать решительный бой⁹. Разве что Виктор Шкловский, Юрий Тынянов и Борис Эйхенбаум, как представители теоретического формализма, позволяли себе говорить о сво-

6. Полонский В. П. Леф или блеф // Полонский В. П. На литературные темы. М.: Круг, 1927. С. 19.

7. Шкловский В. О Маяковском. М.: Советский писатель, 1940. С. 72.

8. Эйхенбаум Б. М. «Мой современник»... Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб.: Инапресс, 2001. С. 135.

9. О взаимном «игнорантстве» и приблизительности представлений о теоретических взглядах противной стороны см.: Ханзен-Лёве О. А. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципов остранения. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 448–449.

их оппонентах в сниженной форме только в частной переписке, тогда как те отвечали им публично, планомерно усиливая натиск.

Приведу примеры. В январе 1920 года «Петроградская правда» опубликовала редакционную заметку «Ближе к жизни», где обвинила исследователей поэтики, в частности Шкловского, в эскапизме и несоответствии великой эпохе. Нужно писать о рабоче-крестьянском искусстве, а он издает статьи о буржуазном «Дон-Кихоте» и копается в Стерне, то есть «дразнит» читателя и «шалит», как делали «господа» в старые времена. «Пишите не для любителей-эстетов, а для масс!» — призывал партийный публицист Вадим Быстрянский¹⁰. Шкловский ответил оппоненту на «домашнем поле» — на страницах газеты «Жизнь искусства». Он заявил, что не является «литературным налетчиком и фокусником» и может лишь дать

...руководителям масс те формулы, которые помогут разобраться во вновь появляющемся, ведь новое растет по законам старым. Мне больно читать упреки «Правды» и обидно обращение «господа», я не «господин», я «товарищ Шкловский» уже пятый год¹¹.

Полемика примечательна прямоотой и открытостью, декларативным стремлением воспользоваться революционной свободой в выражении мнений. Но уже появляются характерные оговорки: «Товарищ из „Правды“ — я не оправдываюсь. Я утверждаю свое право на гордость». Шкловский облекает в форму каламбура требование уважать свою точку зрения. Ранее в той же заметке он заявляет прямо: «Я требую уважения»¹². Показательно, что сравнение Шкловского с уголовным преступником, использованное Быстрянским, понравилось дореволюционному критику Аркадию Горнфельду, оставшемуся после революции на прежних, пусть и конъюнктурно подновленных, позициях. Резюмируя в статье 1922 года противостояние формализма с прочими трендами современной критики, Горнфельд раздраженно отметил «крикливую публицистику» и «кружковый жаргон», называя Шкловского «талантливым налетчиком»¹³. Разумеется, имелся в виду по-

10. В. Б. [Быстрянский В. А.] На темы дня: Ближе к жизни! // Петроградская правда. 27.01.1920. № 18.

11. Шкловский В. Б. В свою защиту // Шкловский В. Б. Гамбургский счет. М.: Советский писатель, 1990. С. 90.

12. Там же.

13. Горнфельд А. Формалисты и их противники // Литературная мысль. 1922. № 3. С. 5.

верхностный характер его работ, однако уголовные коннотации не могли не создавать дополнительных контекстов на фоне столь своевременного начавшегося процесса над правыми эсерами, от которого Шкловский бежал в Европу, избегая неминуемой расплаты за свое красноречивое военное прошлое.

Представители эстетической критики дореволюционного происхождения, против которой неизменно выступал Шкловский, а позднее Эйхенбаум, отвечали формалистам корректно, но не могли скрыть недовольства в связи с непривычным, слишком эксцентричным стилем презентации материала. В этом отношении показательно единодушное неприятие Шкловского эмигрантской критикой (Роман Гуль, Михаил Осоргин), культивировавшей дореволюционные интеллектуальные направления по очевидным идейным причинам. Под обстрел ведущих перьев эмиграции Шкловский угодил в период своего краткого, но плодотворного пребывания в Берлине, когда из печати вышли сразу два его заряженных литературной теорией романа: травелог «Сентиментальное путешествие» и эпистолярный «ZOO. Письма не о любви». В сдержанной стилистике эмигрантской критики отзывались на Шкловского и некоторые адепты традиционного критического письма, оставшиеся в России. Даже в официальном органе советской литературы — журнале «Печать и революция» под редакцией Вячеслава Полонского — на первых порах выходили статьи, словно созданные почтенными и умеренными консерваторами русского зарубежья. Так, секретарь Главнауки при Наркомпросе Константин Локс, явно разделяющий взгляды Луначарского как «образованного большевика», в 1922 году пишет в рецензии на статью Шкловского «Розанов»:

Наука наукой, а смесь фельетона и науки — дело ненужное. <...>
Эту развязность дурного тона давно пора оставить¹⁴.

В том же 1922 году при художественном отделе Главполитпросвета недолго выходил тонкий журнал «Вестник искусств». Его редактором был театральный критик Михаил Загорский, сотрудник Театрального отдела (ТЕО) Наркомпроса, где под его началом выпускался журнал «Вестник театра»:

14. Локс К. Г. Виктор Шкловский. Розанов. Из кн. «Сюжет как явление стиля». Издательство ОПОЯЗ, 1921 год, Петроград // Печать и революция. 1922. Кн. 1. С. 286.

Конечно, они ребята беспутные, ненадежные и легкомысленные — эти резвящиеся литераторы из «Книжного угла», все эти Ховины, Шкловские, Эйхенбаумы и прочие «веселые историки искусств» из содружества ОПОЯЗ. Нам с ними не по пути. Но они люди умные и весьма и весьма проницательные. Их группа — почти единственная литературная группа в Петрограде, остро чувствующая современность, хотя и плохо в ней разбирающаяся.

<...>

Это самая интересная группа литературных зверей, спасшихся от потопа¹⁵.

Используя популярную в первые пореволюционные годы библейскую метафору, Загорский обнаруживает свою рафинированность, хотя охотно присваивает большевистскую фразеологию («Нам с ними не по пути»). Презрительное использование множественного числа в перечислении конкретных имен, уничижительные эпитеты на грани панибратства — это, напротив, уступки новому дискурсу, который автор вынужден был принять, подобно своему кумиру Всеволоду Мейерхольду. Теоретически Загорскому как раз по пути с формалистами, но для идейно близкого ему масштабного левого искусства камерный рецензионный журнал «Книжный угол» недостаточно радикален, а то и мелкобуржуазен.

В 1920-е годы даже самые несущественные концептуальные расхождения начали восприниматься как повод для запальчивых заявлений. Петроградская газета «Жизнь искусства» с 1923 года выходила как журнал и проявляла все меньшую толерантность в отношении как пережитков дореволюционной критики, так и футуристической зауми, с которой по инерции отождествлялся формализм. В 1924 году журнал предоставил площадку идеологу советского литературного конструктивизма Корнелию Зелинскому. Ратующий за усиление смысловой составляющей литературного произведения, Зелинский вместе с тем отталкивался от идеи текста как конструкции, что отчасти сближало его с платформой формализма. Тем не менее в статье «Как сделан Виктор Шкловский», название которой пародирует подходы программных текстов ОПОЯза, Зелинский ограничивается предъявлением личных счетов к шефу конкурирующей фирмы:

15. Загорский М. Книга. Среди книг и журналов. «Пересвет». Кн. 1. «Книжный Угол». Вып. 8. «Северные дни». Кн. II // Вестник искусств. 1922. № 2. С. 18.

Из его блестящего черепа, похожего на голову египетского военачальника, сыплются неожиданные мысли, как влага из лейки на клумбы русской литературы.

Не в силах скрыть раздражения по поводу влияния старшего всего на три года, но намного более опытного коллеги, Зелинский продолжает:

В начале бе слово. Нет, в начале бе Шкловский, а формализм потом. Эта круглая блестящая голова, как курок, взведенный над книжками, действует, как отмычка среди литературных строений¹⁶.

Голова, не дающая покоя Зелинскому, маячит не только над литературой. В это время Шкловский уже вернулся из-за границы и работает в Москве на 3-й фабрике Госкино, чье название станет заголовком одной из самых известных его книжек 1920-х годов. Она еще не вышла, но советские толстые журналы уже целенаправленно и без лишних экивоков расправляются с пережитками формализма. «Яркое проявление того времени — „распад жанров“» — так Лабори Калмансон под псевдонимом Г. Лелевич пишет о начале десятилетия¹⁷. Теперь, по его словам, «буржуазные теоретики» Шкловский и Тынянов «с ужасом» наблюдают, как снова появляется крепкая литература вроде Юрия Либединского и Лидии Сейфулиной. По поводу «Сентиментального путешествия» Шкловского, переизданного в Москве в 1924 году, высказался в том же журнале и поклонник Есенина, критик Федор Жиц: «Автором руководит безголовый автоматизм, озорство, нигилизм»¹⁸. Впрочем, в ответ на изданную вскоре статью «За что мы любим Есенина» ведущий критик пролетарского журнала «На литературном посту» Владимир Ермилов издал памфлет под названием «За что мы не любим Федоров Жицей». Критики во все времена ополчаются друг на друга, но здесь грозовая атмосфера все гуще, ибо спровоцирована постоянными проекциями во вне-литературную борьбу. Вот студент Института красной профессуры Виктор Кин пишет о Шкловском в «Молодой гвардии»:

16. Зелинский К. Как сделан Виктор Шкловский // Жизнь искусства. 1924. № 14. С. 13.

17. Лелевич Г. Гипократово лицо // Красная новь. 1925. № 1. С. 298.

18. Жиц Ф. Виктор Шкловский. «Сентиментальное путешествие». Л.: Издательство «Атеней», 1924 // Красная новь. 1925. Кн. 2. С. 284.

Мы не рискуем обидеть Шкловского, сказав, что его книга — беспринципная, что в ней чужая, вредная идеология. <...> Эта морда нам хорошо знакома. В хвостах она шептала об убийстве Ленина Троцким. Глядела из-за стола советского учреждения. На буферах и на крышах ездила с мешками сеялки и бидонами постного масла. Морда, можно сказать, всероссийская. Эта же, до ужаса знакомая морда глядит с каждой страницы «Сентиментального путешествия»¹⁹.

Кин комментирует цитату из книги Шкловского: «Хорошо жить и мордой ощущать дорогу жизни»²⁰. Комментируя, он смакует и усиливает роль этого экспрессивного слова, наполняя анафору все более уничижительным, а потом и зловещим смыслом. «Ужас», который Лелевич приписывал формалистам, охватывает их противников — теперь они просто обязаны защищаться.

После диспута о формальном методе в блоке журнала «Печать и революция», образцово снабдившего инициальную статью Эйхенбаума «Вокруг вопроса о формалистах»²¹ пятью негативными откликами, можно было открывать огонь на поражение. В дневниковой записи от 17 октября 1924 года Эйхенбаум характеризует полемику по поводу своей статьи: «Ответы действительно хамские... Лай, брань, злоба, окрики»²². После выхода «Третьей фабрики» Шкловского уже не было нужды даже имплицитно ссылаться на прецеденты. Упомянутый Федор Жиц пишет, что когда-то Василий Розанов открыл новую страницу в литературе — открыл в формальном смысле. Судя по изящному риторическому обороту критика, он совсем не вдается «в оценку его блудливых политических воззрений и душка карамазовщины, которм несет почти от всех его произведений»²³. Шкловский, как признает Жиц вслед за множеством других критиков, идет целиком от Розанова, разве что мельчая:

19. Кин В. В. Шкловский. «Сентиментальное путешествие». Воспоминания. 1924 г. 192 стр. Тираж 5000 // Молодая гвардия. 1925. Кн. 2–3. С. 266–267.
20. Шкловский В. Б. «Еще ничего не кончилось...» М.: Пропаганда, 2002. С. 192.
21. Эйхенбаум Б. М. Вокруг вопроса о формалистах // Печать и революция. 1924. № 5. С. 1–12.
22. Цит. по: Кертис Дж. Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература. СПб.: Академический проект, 2004. С. 138.
23. Жиц Ф. Виктор Шкловский. «Третья фабрика». Изд. «Круг». 140 стр. 1926 г. // Красная новь. 1926. № 11. С. 246.

[Он] как человек меньше своего учителя. <...> Недостает мужественности прицела, воли к покорению читателя. Почерк Шкловского скользит по бумаге без нажима и мысли, наблюдения его колышутся на тонких стеблях фельетона и непринужденной беседы. Но если черты эти раздражали и возмущали, когда Шкловский писал о революции, событиях большого трагического охвата, в «Третьей фабрике» они сыграли положительную роль²⁴.

Применяется одна из самых действенных критических методик — обращение против обвиняемого его же собственного оружия. Ведь каких-то пять лет назад Яковсон писал в программной для формалистического движения статье, что прежняя литературная наука сводилась к уровню необязательной *causerie*²⁵. Только теперь обвинения в болтовне влекут за собой не методологические, а политические выводы. Как пишет Аркадий Глаголев в рецензии на «Третью фабрику»,

...это история жизни типичного российского мелкобуржуазного интеллигента, не лишённого явственного обывательского духа, писателя, до сих пор чувствующего себя в советской действительности полуинородным элементом²⁶.

Трудно спорить с верной классовой оценкой комсомольского критика, но характерное слово «душок» является безошибочным маркером санкционированной травли. Ответственный редактор журнала «Советское кино» Осип Бескин по должности позволяет себе не только осторожные указания, но и открыто зловещую иронию:

И где, как не в «Круге», было выйти очередному шедевру Шкловского, этого вездесущего фигаро нашего времени, дарящего миру реакционные теории литературы, возрождающего эстетические традиции доброго старого времени, облагораживающего советское кинодело, рассыпающего блески своего парадоксального фельетона на зависть и развращение менее прытких своих собратьев?²⁷

24. Там же. С. 246–247.

25. Яковсон Р. О. О художественном реализме // Яковсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 386.

26. Глаголев А. В. Шкловский. «Третья фабрика». Изд. «Круг». М., 1926. Стр. 139. Ц. 1 руб. // Молодая гвардия. 1927. Кн. 1. С. 205.

27. Бескин О. Кустарная мастерская литературной реакции // На литературном посту. 1927. № 7. С. 18.

Развращение — важный мотив, подмечаемый пролетарской критикой, которая занимает на первый взгляд парадоксальные, все более консервативные позиции. В том же 1927 году Вячеслав Полонский назовет Шкловского «марксистоедом» и «порнографом»²⁸. Первое — за то, что он нахально защищает производственное искусство от марксистов в журнале «Новый ЛЕФ», чем вызывает их законный смех. Второе — за сценарий фильма «Третья Мещанская, или Любовь втроем», который был запрещен к показу в частях РККА. Бескин, которого Полонский недолюбливает, как и всех рапповцев, тоже заостряет внимание на «этиких интимностях», «игре в неглижирование»²⁹. В 1927 году советская культура, только что занимавшая передовые позиции в вопросах пола (от книг Александры Коллонтай до просветительских фильмов о проституции и венерических болезнях), выступает оплотом целомудрия, и фильмы наподобие «Проститутки» (1926, Олег Фрелих) или «Третьей Мещанской» (1927, Абрам Роом) запаздывают с попаданием в тренд. О статье Бескина и его профессиональном лицемерии весьма жестко отзывается в письме Шкловскому Тынянов, сдавший статью о литературной эволюции в тот же журнал:

Теперь, говорят, мелкий бес тебя там обвыл. Между тем, статью мою там приняли. Я беса еще не читал, но не сомневаюсь, что гнусь³⁰.

Можно было бы указать на не менее крутую и еще более яростную фразеологию Тынянова, если бы дело не происходило в пространстве частной переписки. Готовность же публиковаться в пролетарском журнале говорит о том, что в сознании формалистов все еще существует, по инерции, свобода печати. О ней все тот же Полонский высказался тогда же вполне определенно:

... в атмосфере литературной войны, где побеждает сильнейший, и будут разрешены наши литературные споры о попутчиках и о том, какому отряду писателей принадлежит будущее³¹.

28. Полонский В. П. Блеф продолжается // Полонский В. П. На литературные темы. С. 37–39.

29. Бескин О. Указ. соч. С. 18–19.

30. Цит. по: Тоддес Е. А., Чудаков А. П., Чудакова М. О. Комментарии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 519.

31. Полонский В. П. К вопросу о наших литературных разногласиях. Статья первая. Критические заметки по поводу книги Г. Лелевича «На литературном посту» // Полонский В. П. На литературные темы. С. 110.

Рассуждая о победителях, Полонский ошибался только в том, что будущее литературы принадлежит пролетариату. Будущее, как известно, уже во второй половине 1920-х годов принадлежало оппортунистической номенклатуре. Но в самом факте ведения войны и ее перехода в решающую фазу параллельно с объявлением курса первой пятилетки не было сомнений. В 1929 году Исаак Нусинов плотно нанизывает агрессивные метафоры в адрес приговоренного формалиста:

Виктор Шкловский вздумал укрыться под редут — военной терминологией 1812 года выражаясь — Бориса Эйхенбаума или, по-современному, в траншею литературной среды³², а шлепнул в формалистски-эkleктическую лужу³³.

На статью Шкловского «Памятник научной ошибке» (1930), в которой автор витиевато и уклончиво отречется от формализма, Марк Гельфанд выпустит отзыв с характерным названием «Декларация царя Мидаса, или Что случилось с Виктором Шкловским». В ходу риторические средства, отражающие предельную бдительность и настрой на разоблачение и уничтожение классового врага. Шельмование формалистов чуть стихнет в 1931 году, чтобы с новой силой вспыхнуть уже в середине следующего десятилетия, когда само понятие превратится в клеймо, максимально полно реализовав принцип *nomina sunt odiosa*.

Закручивание риторических гаек как прелюдия репрессий доминировало в реакции на формализм, но все же не было ее единственной формой. «Старомодные» критики формализма в основном были вынуждены примкнуть к возобладавшей дискурсивной манере и впоследствии вяло включали свой голос в хор, поносящий отщепенцев от имени коллектива (Павел Сакулин, Виктор Жирмунский и пр.)³⁴. Голос прочих носителей альтернативных взглядов (в первую очередь речь идет о Михаиле Бахтине и круге ГАХН — Государственной академии художественных наук) умолк с исчезновением повода в начале 1930-х годов, если не счи-

32. Сознательное искажение термина «литературный быт».

33. Нусинов И. Запоздалые открытия, или Как В. Шкловскому надоело есть голыми руками, и он обзавелся самодельной марксистской ложкой // Литература и марксизм. 1929. № 5. С. 12.

34. Подробнее об этом мимикрическом механизме см. в представительной реконструкции разгрома науки о литературе в послевоенном Ленинграде: Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград. 1940-е годы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 453–487.

тать сдержанную по тону, но разгромную в соответствии с правилами игры книгу Павла Медведева «Формализм и формалисты» (1934). В высшей степени красноречивым было молчание Бориса Энгельгардта как в адрес коллег, так и в русле науки о литературе. Параллельно усиливающейся травле он успел предложить образец научно-критического разбора методологических оснований формальной школы.

В известной работе «Формальный метод в истории литературы» (1927) Энгельгардт попытался поместить свой объект в широкий контекст эстетических теорий и пришел к выводу, что существует не метод, но вполне автономная дисциплина, которую можно условно обозначить как формальную поэтику. Все произведения мировой литературы она рассматривает никак иначе, как с точки зрения заумного языка, конструируя объект своего исследования так, чтобы из поля анализа были исключены любые тематические, идеологические, исторические компоненты. Энгельгардт, как сторонник эстетики Иоганна Георга Гамана, лингвистической феноменологии Александра Потебни, исторической поэтики Александра Веселовского, даже не столько критикует формалистов, со многими из которых его связывает работа в одном институте над близкими темами, сколько показывает, что они не революционизируют методы истории литературы. Более того, ни эта прикладная область эстетики слова, ни тем более общая эстетика формалистов попросту не заметили. Энгельгардт упорно дистанцируется от споров о формализме, из-за чего формалистское экспрессивное обаяние само собой улетучивается и остается достаточно простая, если не примитивная, теоретическая схема. Верхом критического накала является для автора слово «пресловутый» в отношении «заумного языка», а также обозначение его как «декларативного пугала, с помощью которого футуристы пытались поразить воображение обывателя»³⁵. Ниже Энгельгардт в качестве синонима «пугала» использует слово «дракон» — он должен отпугивать от школы «всех попутчиков, опасных своим эклектизмом»³⁶. Иными словами, Энгельгардт моделирует, если не пародирует, позицию самих формалистов, отсылая к новейшей на тот момент программной статье Эйхенбаума

35. Энгельгардт Б. М. Формальный метод в истории литературы // Энгельгардт Б. М. Избр. труды. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995. С. 76.

36. Там же. С. 78.

(«Мы окружены эклектиками и эпигонами»³⁷, — едва ли не параноидально говорится в ней в адрес вчерашних друзей и даже некоторых учеников).

Закрытая полемика Энгельгардта, апеллирующая к академической традиции, оказалась на фоне открытых выпадов критиков «Красной нови» и «Печати и революции» своего рода архаизирующей инновацией дискурса, эволюцией через отступление, о которой пришлось вспомнить лишь в постсоветские годы, но уже в аспекте истории науки. В 1930-е годы такие ученые замолкали принципиально, причем без пафоса, свойственного сознательным париям вроде Ольги Фрейденберг. Энгельгардт стал переводчиком Джонатана Свифта, Вальтера Скотта и Чарльза Диккенса; умер он в блокадном Ленинграде. Однако ни его, ни даже формалистов с их сравнительно счастливой судьбой (если почитать таковой то, что они почти поголовно избежали ГУЛАГа) нельзя считать побежденными — даже в войне с заранее предрешенным концом. Честная игра понималась как временное, промежуточное состояние. Логика гегемона, вынужденно использующего ресурсы побежденного оппонента, не предполагает, что у последнего есть шансы выжить и сохраниться. Врага либо ломают, либо убивают. Правила игры в отношении врага в роли временного союзника могут измениться в любой момент. Маршрут этого изменения — от дискуссии к шельмованию, от конвенциональной остроты к открытой грубости.

Библиография

- Бескин О. Кустарная мастерская литературной реакции // На литературном посту. 1927. № 7.
- В. Б. [Быстрянский В. А.] На темы дня: Ближе к жизни! // Петроградская правда. 27.01.1920. № 18.
- Глаголев А. В. Шкловский. «Третья фабрика». Изд. «Круг». М., 1926. Стр. 139. Ц. 1 руб. // Молодая гвардия. 1927. Кн. 1.
- Горнфельд А. Формалисты и их противники // Литературная мысль. 1922. № 3.
- Горький М. О формализме // Правда. 09.04.1936. № 99. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-86.htm>.
- Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград. 1940-е годы. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
- Жиц Ф. Виктор Шкловский. «Сентиментальное путешествие». Л.: Издательство «Атеней», 1924 // Красная новь. 1925. Кн. 2.
- Жиц Ф. Виктор Шкловский. «Третья фабрика». Изд. «Круг». 140 стр. 1926 г. // Красная новь. 1926. № 11.

37. Эйхенбаум Б. М. Теория формального метода // Эйхенбаум Б. М. О литературе. Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. С. 375.

- Загорский М. Книга. Среди книг и журналов. «Пересвет». Кн. 1. «Книжный Угол». Вып. 8. «Северные дни». Кн. II // Вестник искусств. 1922. № 2.
- Зелинский К. Как сделан Виктор Шкловский // Жизнь искусства. 1924. № 14.
- Кертис Дж. Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература. СПб.: Академический проект, 2004.
- Кин В. В. Шкловский. «Сентиментальное путешествие». Воспоминания. 1924 г. 192 стр. Тираж 5000 // Молодая гвардия. 1925. Кн. 2–3.
- Лелевич Г. Гиппократово лицо // Красная новь. 1925. № 1.
- Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому, 15/IX // Он же. Полн. собр. соч. Т. 51. М.: Политиздат, 1978.
- Локс К. Г. Виктор Шкловский. Розанов. Из кн. «Сюжет как явление стиля». Издательство ОПОЯЗ, 1921 год, Петроград // Печать и революция. 1922. Кн. 1.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Успенский Б. А. Избр. труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 219–253.
- Маяковский В. В. Приказ по армии искусства // Искусство коммуны. 07.12.1918. № 1. С. 1.
- Нусинов И. Запоздалые открытия, или как В. Шкловскому надоело есть голыми руками, и он обзавелся самодельной марксистской ложкой // Литература и марксизм. 1929. № 5.
- Полонский В. П. Блеф продолжается // Он же. На литературные темы. М.: Круг, 1927. С. 37–39.
- Полонский В. П. К вопросу о наших литературных разногласиях. Статья первая. Критические заметки по поводу книги Г. Лелевича «На литературном посту» // Он же. На литературные темы. М.: Круг, 1927.
- Полонский В. П. Леф или блеф // Он же. На литературные темы. М.: Круг, 1927.
- Тоддес Е. А., Чудаков А. П., Чудакова М. О. Комментарии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.
- Троцкий Л. Д. Формальная школа поэзии и марксизм // Он же. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991.
- Ханзен-Лёве О. А. Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципов остранения. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Шкловский В. Б. «Еще ничего не кончилось...» М.: Пропаганда, 2002.
- Шкловский В. Б. В свою защиту // Он же. Гамбургский счет. М.: Советский писатель, 1990.
- Шкловский В. О Маяковском. М.: Советский писатель, 1940.
- Эйхенбаум Б. М. «Мой временник»... Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб.: Инапресс, 2001.
- Эйхенбаум Б. М. Вокруг вопроса о формалистах // Печать и революция. 1924. № 5. С. 1–12.
- Эйхенбаум Б. М. Теория формального метода // Он же. О литературе. Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987.
- Энгельгардт Б. М. Формальный метод в истории литературы // Он же. Избр. труды. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1995.
- Якобсон Р. О. О художественном реализме // Он же. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.

FROM DISPUTE TO PERSECUTION: RHETORIC OF DEBATES
SURROUNDING THE FORMALIST CIRCLE IN THE 1920S

JAN LEVCHENKO. Professor, School of Cultural Studies, Faculty of Humanities,
janlevchenko@hse.ru.

National Research University Higher School of Economics (HSE). Address:
21/4 Staraya Basmannaya str., 105066 Moscow, Russia.

Keywords: Russian formalism; literary criticism and polemics; rhetoric of
competition and discussion in literature; class struggle; Bolshevik revolution.

The present article traces the origins and forms of aggressive rhetoric in the Soviet literary criticism of the 1920s, using the example of the debates surrounding the Leningrad branch of the Russian Formalist School. The discussions around this research circle can be traced to the destructive experience of revolution and civil war, and the shift from conventional forms of debate to the abuse and annihilation of opponents, transforming the latter practices into the new mainstream. The discussion as such becomes a race for power, or a straight-up competition between political groups. In turn, literary criticism also starts reproducing the repressive methods of the victor. The so-called “formalists” represent the most prominent example of this process, as they were sentenced to annihilation as pure ideological enemies of the new hegemonic class — both in a political and cultural sense.

The contrast dualism that characterizes the opposition between ‘us’ and ‘them’ in Russian culture to the present day became visible during that time, as the triumphant class was fundamentally unwilling to compromise with the defeated. The Bolsheviks were not feeling magnanimous after the victory of the October revolution. Their strategy was to cultivate hatred, pitting different groups against each other under the banner of class struggle in order to further strip and/or remove any phenomena diverging from the established way forward. The primary motivation for the crackdown through terror was civil war. Subsequently, it was replaced by the requirement for special vigilance during the temporary resurgence of the bourgeoisie in the period of New Economic Policy (NEP). The conceptualization of the NEP was not only an economic and industrial, but also inevitably a cultural matter, and the proletariat simply *had to* feel threatened by the surviving oppressors whose consciousness remained the same as before the revolution. Ultimately, the announced and long-awaited rejection of the NEP and its “restorative” culture legitimized a new round of aggressive rhetoric that reinforced the internal crisis of the Soviet “*poputchiks*” (primarily discriminated intelligentsia) and allowed to put an end to them on the cusp of the 1920s and 1930s.

DOI: 10.22394/0869-5377-2017-5-25-41

References

- Beskin O. Kustarnaia masterskaia literaturnoi reaktsii [Handicraft Workshop of Literary Reaction]. *Na literaturnom postu* [On the Seat of Literature], 1927, no. 7.
- Curtis J. *Boris Eikhenbaum: ego sem'ia, strana i russkaia literatura* [Boris Eikhenbaum: His Family, Country and Russian Literature], Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 2004.
- Druzhinin P. A. *Ideologiia i filologiia. Leningrad. 1940-e gody* [Ideology and Philology. Leningrad. 1940s], Moscow, New Literary Observer, 2012.

- Eikhenbaum B. M. "Moi vremennik"... *Khudozhestvennaia proza i izbrannye stat'i 20–30-kh godov* ["My Temporary..." Prose and Selected Articles, 1920–1930], Saint Petersburg, Inapress, 2001.
- Eikhenbaum B. M. Teoriia formal'nogo metoda [Theory of Formal Method]. *O literature. Raboty raznykh let* [On Literature. Works of Different Years], Moscow, Sovetskii pisatel', 1987.
- Eikhenbaum B. M. Vokrug voprosa o formalistakh [Around the Question of Formalists]. *Pechat' i revoliutsiia* [Print and Revolution], 1924, no. 5, pp. 1–12.
- Engelgardt B. M. Formal'nyi metod v istorii literatury [Formal Method in the History of Literature]. *Izbr. trudy* [Selected Works], Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peteburgskogo universiteta, 1995.
- Glagolev A. V. Shklovskii. "Tret'ia fabrika". Izd. "Krug". M., 1926. Str. 139. Ts. 1 rub. [Shklovsky. "Third Fabtic". Krug, Moscow, 1926. 139 p. Price: 1 rouble]. *Molodaia gvardiia* [Young Guard], 1927, book 1.
- Gorky M. O formalizme [On Formalism]. *Pravda* [The Truth], April 9, 1936, no. 99. Available at: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-86.htm>.
- Gornfel'd A. Formalisty i ikh protivniki [Formalists and Their Opponents]. *Literaturnaia mysl'* [Literary Thought], 1922, no. 3.
- Hansen-Löve A. A. *Russkii formalizm. Metodologicheskaia rekonstruktsiia razvitiia na osnovе printsipov ostraneniia* [Der russische Formalismus: methodologische Rekonstruktion seiner Entwicklung aus dem Prinzip der Verfremdung], Moscow, Iazyki russkoi kul'tury, 2001.
- Jakobson R. O. O khudozhestvennom realizme [On Realism in Art]. *Raboty po poetike* [Works on Poetics], Moscow, Progress, 1987.
- Kin V. V. Shklovskii. "Sentimental'noe puteshestvie". Vospominaniia. 1924 g. 192 str. Tirazh 5000 [V. Shklovsky. "Sentimental Journey". Memories. 1924. 192 p. Printing Run 5000]. *Molodaia gvardiia* [Young Guard], 1925, books 2–3.
- Lelevich G. Gippokratovo litso [Hypocrates' Face]. *Krasnaia nov'* [Red New Soil], 1925, no. 1.
- Lenin V. I. Pis'mo A. M. Gor'komu, 15/IX [Letter to A. M. Gorky, 15/IX]. *Poln. sobr. soch. T. 51* [Complete Set of Works. Vol. 51], Moscow, Politizdat, 1978.
- Loks K. G. Viktor Shklovskii. Rozanov. Iz kn. "Siuzhet kak iavlenie stilia". Izdatel'stvo OPOIaZ, 1921 god, Petrograd [Viktor Shklovsky. Rozanov. From the Book "Siuzhet as a Phenomenon of Style". OPOJAZ Publishing House, 1921, Petrograd]. *Pechat' i revoliutsiia* [Print and Revolution], 1922, book 1.
- Lotman Y. M., Uspensky B. A. Rol' dual'nykh modelei v dinamike russkoi kul'tury [The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture]. In: Uspensky B. A. *Izbr. trudy. T. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected Works. Vol. 1: Semiotics of History. Semiotics of Culture], Moscow, Gnozis, 1994, pp. 219–253.
- Mayakovskiy V. V. Prikaz po armii iskusstva [Art Army Order]. *Iskusstvo kommuny* [Art of the Commune], December 7, 1918, no. 1, p. 1.
- Nusinov I. Zapozdalye otkrytiia, ili kak V. Shklovskomu nadoelo est' golymi rukami, i on obzavelsia samodel'noi marksistskoi lozhkoi [Hindword Discoveries, or, How V. Shklovsky Has Had Enough of Eating Barehanded and He Provided Himself with Self-Made Marxist Spoon]. *Literatura i marksizm* [Literature and Marxism], 1929, no. 5.
- Polonskii V. P. Blef prodolzhaetsia [Bluff Continues]. *Na literaturnye temy* [Literary Issues], Moscow, Krug, 1927, pp. 37–39.

- Polonskii V. P. K voprosu o nashikh literaturnykh raznoglasiiaxh. Staŭia pervaia. Kriticheskie zametki po povodu knigi G. Lelevicha "Na literaturnom postu" [To the Question of Our Literary Controversies. First Article. Critical Notes Concerning G. Lelevich's Book "On the Seat of Literature"]. *Na literaturnye temy* [Literary Issues], Moscow, Krug, 1927.
- Polonskii V. P. Lef ili blef [LEF or a Bluff]. *Na literaturnye temy* [Literary Issues], Moscow, Krug, 1927.
- Shklovsky V. B. "Eshche nichego ne konchilos'..." ["Everything Hasn't Ended Yet..."], Moscow, Propaganda, 2002.
- Shklovsky V. B. *O Maiakovskom* [On Mayakovsky], Moscow, Sovetskii pisatel', 1940.
- Shklovsky V. B. V svoiu zashchitu [In Self-Defence]. *Gamburgskii schet* [Hamburg Reckoning], Moscow, Sovetskii pisatel', 1990.
- Toddes E. A., Chudakov A. P., Chudakova M. O. Kommentarii [Comments]. In: Tynyanov Y. N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema], Moscow, Nauka, 1977.
- Trotsky L. D. Formal'naia shkola poezii i marksizm [Formal School of Poetry and Marxism]. *Literatura i revoliutsiia* [Literature and Revolution], Moscow, Politizdat, 1991.
- V. B. [Bystrianskii V. A.] Na temy dnia: Blizhe k zhizni! [On the Buzzwords of the Day: Closer to Life!]. *Petrogradskaia pravda* [Petrograd Truth], January 27, 1920, no. 18.
- Zagorskii M. Kniga. Sredi knig i zhurnalov. "Peresvet". Kn. 1. "Knizhnyi Ugol". Vyp. 8. "Severnye dni". Kn. II [Book. Amongst Books and Journals. "Peresvet". Book 1. "Book Corner". Iss. 8. "North Days". Book II]. *Vestnik iskusstv* [Herald of Arts], 1922, no. 2.
- Zelinskii K. Kak sdelan Viktor Shklovskii [How Was Made Viktor Shklovsky]. *Zhizn' iskusstva* [Life of Art], 1924, no. 14.
- Zhits F. Viktor Shklovskii. "Sentimental'noe puteshestvie". L.: Izdatel'stvo "Atenei", 1924 [Viktor Shklovsky. "Sentimental Journey". Leningrad, Atenei, 1924]. *Krasnaia nov'* [Red New Soil], 1925, book 2.
- Zhits F. Viktor Shklovskii. "Tret'ia fabrika". Izd. "Krug". 140 str. 1926 g. [Viktor Shklovsky. "Third Fabtic". Krug Publishing House. 140 p. 1926]. *Krasnaia nov'* [Red New Soil], 1926, no. 11.